

ЛІТЕРАТУРНІ ТРАДИЦІЇ: ДІАЛОГ КУЛЬТУР ТА ЕПОХ

УДК 82.09(082)

Т.В. ПОЛЕЖАЕВА,

кандидат филологических наук,

*доцент кафедры русской филологии Института филологии и журналистики
Волынского национального университета им. Леси Украинки*

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ДОСТОЕВСКОГО В КОНТЕКСТЕ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XIX–XXI вв.

В статье показана оценка современниками и потомками Достоевского его мировоззрения и творчества. Выясняется влияние культурного наследия писателя на развитие различных направлений в литературе, культурном пространстве XIX–XXI вв.

Ключевые слова: Достоевский, реализм, модернизм, постмодернизм, поток сознания, истина, автология, металогия.

В последнее время, особенно в связи с юбилеем Достоевского (2006), в печати появилась многочисленная литература или отдельные замечания. Литература разнообразна и полезна. Вместе с тем параллельно с освещением новых аспектов гениальности Достоевского и всегда положительным отношением к нему при оценке его личности, творчества, мировоззрения высказываются нередко сомнительные суждения. Происходит это на субъективной почве, когда находят у него что-либо свое личное, сокровенное и поэтому считают своим, или когда стараются опереться на его авторитет, замалчивая при этом что-то для себя не удобное. В результате часто приписывают писателю свои взгляды и убеждения. Считают также, что нет и не может быть одного Достоевского, как и единой общепринятой трактовки его мировоззрения по причине: каждый читатель уникален (однако не учитывают, что Достоевский тоже уникален).

Чаще всего его считают «предтечей экзистенциализма» или впрямую называют экзистенциалистом [2; 5; 6]. Нередко сближают с идеями Фрейда и Ницше. Или объявляют родоначальником модернизма, постмодернизма, «нового романа», «литературы абсурда», «потока сознания». Или, как раньше, представляют Достоевского и Льва Толстого, Достоевского и Горького стоящими едва ли не на противоположных полюсах.

В таких отзывах и суждениях видны разные нестыковки, противоречия. Как правило, приписывают Достоевскому позиции его героев-повествователей. Велика роль избирательного характера ссылок на западноевропейские и американские авторитеты. Не учитывается, скажем, что «столпы европейского экзистенциализма» к концу 50-х гг. XX вв. в большинстве своем отrekliлись от этой философии, становление которой связано с их именами, как пишет А.Н. Латынина [9, с. 210–259]. Габриэль Марсель (1889–1973) отрекся от основных положений религиозного экзистенциализма после осуждения его Ватиканом. Мартин Хайдеггер (1889–1976) пересмотрел собственную систему, отказался даже от самого термина «экзистенциализм». Жан Поль Сартр (1905–1980) тоже вышел за пределы экзистенциализма. Альбер Камю (1913–1960) не только публично заявил, что он никогда не был экзистенциалистом, но объяснил и то, что «Миф о Сизифе», который воспринимали как зда-

ние атеистического экзистенциализма, на деле посвящен «критике экзистенциализма» [9, с. 213].

К тому же у Достоевского, отмечает А.Н. Латынина, темы «ощущения жизни как трагедии», «недоверия к возможности преобразовать мир и человеческую жизнь на разумных началах», «поиски подлинности существования», «требования (абсолютной) свободы» (Э. Брейзак) имеют весьма косвенное отношение к экзистенциализму. Это идеи его героев, столкновения которых исследует Достоевский в поисках истины [9, с. 211]. Нельзя не согласиться, что ни герой «Записок из подполья», ни Раскольников и Свидригайлов не тождественны автору. Автор показывает крах их идей и самоосуждение; и делает это эпически, с чем надо считаться. Другое дело, когда во «Сне смешного человека» герой в конце-концов пришел к выводу: «Главное – люби других, как себя, вот что главное, и это всё, больше ничего не надо: тотчас найдешь, как устроиться». О своей собственной фундаментальной позиции как раз в таком духе Достоевский сам не раз высказывался впрямую. Например, в «Дневнике писателя» (1877, январь) читаем: «В самом деле, чему вы верите? Вы верите (да и я с вами) в *общечеловечность*, то есть в то, что падут когда-нибудь, перед светом разума и сознания, естественные преграды и предрассудки, разделяющие до сих пор свободное общение наций эгоизмом национальных требований, и что тогда только народы заживут одним духом и ладом, как братья, разумно и любовно стремясь в общей гармонии. Что ж, господа, что может быть выше и святее этой веры?.. Эта вера есть вера всеобщая, живая, главнейшая» [4, с. 19].

В отличие от этого экзистенциализм ощущает абсурдность мира, выражает только себя, а не объективную реальность, которую в произведениях отрицает, базируется на том, что «духовность – уникальная примета человека» (но всё это само по себе легко поддается критике). Считает, что «человек имеет кроме своего природного (биологического) тела еще и такое надприродное... качество, как дух» и контактирует не только с хаотической действительностью, но и с «неисчерпаемым морем возможностей», среди которых он свободно избирает любую ему нужную; отсюда свобода человека не связана с внешним миром, а коренится в нем самом, во «внутреннем человеке» [10, 187; 5, с. 219–220]. Здесь четко виден отрыв от реальности и реализма. Между тем Достоевский писал: «При полном реализме найти в человеке человека... Меня зовут психологом (в узкоспециальном значении – Т.П.): неправда, я лишь реалист в высшем смысле, то есть изображаю все глубины души человеческой» [3, с. 182]. Кстати, именно в широком и объективном смысле Томас Манн назвал Достоевского «первым психологом мировой литературы», да и Ницше признался в конце жизни: гуманистическое содержание и психологическая глубина творчества Достоевского «полностью противоречат моим потаённым инстинктам» и признал в нем своего учителя в специально-научной области психологии и психиатрии.

Значительно замечание В.И. Кулешова: «Теоретики модернизма, а вслед за ними некоторые исследователи Толстого и особенно Достоевского, без должных оснований ставят рядом формулы «диалектика души» и новоизобретенные ими «поток сознания», «роман сознания». Здесь нет знака равенства, соседство подозрительно. Первое подразумевает посюсторонность, предметность чувств. Тогда переходы, полярности, хаос реальны; сами «пропуски», отсутствие подсказок объяснимы, «видны», познаваемы. «Поток сознания», чего не скрывают и сами изобретатели понятия (Джойс и др.), – это поток ради потока, самодовлеющая ценность. Здесь уместно напомнить рассуждение Анны Зегерс: «Толстой задолго до мастеров модернистского психологизма умел передавать во всей непосредственности поток смутных, полусознанных мыслей героя, но у него это шло не в ущерб цельности картины: он воссоздавал душевный хаос, овладевающий тем или иным персонажем в те или иные остро драматические моменты жизни, но сам не поддавался этому хаосу». А. Зегерс приводит сцену «потока сознания», когда Анна Каренина, решившись на самоубийство, едет на вокзал железной дороги» [8, с. 233–234]. Такой же прием для передачи мятущегося сознания, лихорадочно бегущих мыслей персонажа использовал Достоевский, но это касается героев, а не автора, писателя-реалиста.

Наличие разнородных фактов и мнений на одну тему всегда побуждает привлекать к их анализу, оценке своё качество критерия и свое понимание истины. Но то и другое бывает разным. Критерием часто оказывается мода или меркантильные интересы, и в этом про-

явление узости, субъективизма, игнорирования объективности. Здесь, если обращаться к западным авторитетам, стоит учесть понимание истины Мартином Хайдеггером: «Истина и теперь, и уже с давних пор означает согласие познания с предметом. Но сам предмет, как таковой, должен показать себя, для того чтобы познание и суждение, высказывающее это познание, могло согласоваться с предметом... Как же может предмет показать себя, если он не может выйти из сокрытости, если он сам не находится в сокрытом» [13, с. 40].

«Таким образом, – объясняет эти слова П.П. Гайденко, – изначальное определение истины должно гласить: истина есть явленность, несокрытость сущего, и эту-то истину «совершает» произведение искусства... То, что придает всему смысл, открывает его и делает тем, что оно есть, Хайдеггер называет «миром». Напротив, всё, что «скрывает», что недоступно и всегда остается тайной, он называет «землей». Истина как сопряженность «скрывающего» и «разверзающего» есть спор «земли» и «мира»... Искусство не творит «мир», оно только раскрывает его» как свой предмет, объект, реальную Действительность, «делает его видимым, а через это делает видимым и сущее». Во всех случаях полезнее, продолжает П.П. Гайденко, если искусство делает это тоже реально, используя любые художественные средства, вплоть до иносказательных и эпатажных [1, с. 340–352]. Эти объективные (естественные) соображения помогают точнее определиться в любых оценках Достоевского.

В последние годы и в славянской философии видны крупные уточнения в понимании объективной истины. Г.Д. Левин и Т.И. Ойзерман соответственно в статьях «Что есть истина?» и «Существует ли абстрактная истина?» убедительно показали, что знакомое, привычное понимание истины как только конкретной является половинчатым, т. е. составляет половину целого. «Понятие конкретной истины утратило бы всякий смысл, если бы не было ее противоположности, абстрактной истины», которая есть выражение признания объективных законов, лежащих в основе всего конкретного сущего [11, с. 417–440, 441–446].

Наука, искусство, литература исследуют оба эти проявления истины своими средствами, и многое здесь сделали Достоевский и Л. Толстой. Но их часто противопоставляют слишком прямолинейно. Реальные акценты расставил Юрий Селезнев. Он показал на фактах, что «Толстой и Достоевский – это и есть своеобразные, взаимообусловленные духовные полюсы единого целого». «Каждый из них и сам по себе – и целая эпоха, и целая литература, и даже целый мир. Но их одновременность – это уже явление особого порядка – это распаханность образа мира до беспредельности. Это такие две противоположности, говоря словами Достоевского, между которыми «располагается весь... смысл» человеческого бытия» [10, с. 123–124].

Наконец, немаловажно учесть оценку глубинного реализма Достоевского, высказанную гениальными писателями – современными ему и последующими.

В 1871 г. Салтыков-Щедрин увидел у Достоевского внимание к самым насущным вопросам жизни общества с учетом «отдаленнейших исканий человечества» и отметил у него «предвидения и предчувствия», которые выводят за границы непосредственной современности. Упомянув об этом факте, В.И. Кулешов подчеркивает: эти «отдаленнейшие искания» нисколько не напоминают те всевозможные иллюзорные мечтания, на которые можно указать у многих даже очень даровитых писателей» [7, с. 122].

Л. Толстой в 1880 г.: «На днях нездоровилось, и я читал Мертвый дом... Не знаю лучшей книги изо всей новой литературы, включая Пушкина... Если увидите Достоевского, скажите ему, что я его люблю». Узнав о смерти Достоевского, Л. Толстой написал Н.Н. Страхову: «Как бы я желал уметь сказать все, что я чувствую о Достоевском... Я никогда не видел этого человека и никогда не имел прямых отношений с ним, и вдруг, когда он умер, я понял, что он был самый, самый близкий, дорогой, нужный мне человек... На днях, до его смерти, я прочел «Униженные и оскорбленные» и умилился» [12, с. 168–169]. Оба писателя при всем различии осознавали внутреннюю близость своих философско-мировоззренческих и морально-этических принципов.

М. Горький считал, что талант Достоевского по силе изобразительности равен только Шекспиру, а самого Достоевского назвал «больной совестью нашей». Он же приравнивал его ко Льву Толстому: «Два гиганта русской литературы – Толстой и Достоевский – каждый по своему бунтовали против античеловеческих условий жизни», «Толстой и Достоевский –

два величайших гения, силою своих талантов потрясли весь мир, они обратили на Россию изумленное внимание всей Европы, и оба встали, как равные, в великие ряды людей, чьи имена – Шекспир, Данте, Сервантес, Руссо и Гете» [3, с. 545].

Одновременно Горький отмечал, что Достоевский, Толстой, Чехов, как и все величайшие гуманисты и реалисты, основные надежды на изменение мира к лучшему возлагали в первую очередь на силу просвещения. В очерке «А.П. Чехов» Горький вспоминает его слова: «Мы привыкли жить надеждами на хорошую погоду, урожай, на приятный роман, надеждами разбогатеть или получить место..., а вот надежды поумнеть я не замечаю в людях... Если бы вы знали, как необходим... хороший, умный, образованный учитель!.. Его необходимо поставить в какие-то особенные условия, и это нужно сделать скорее, если мы понимаем, что без широкого образования народа государство развалится, как дом, сложенный из плохо обожженного кирпича!»

Достоевский в свою очередь писал: «Я никогда не мог понять мысли, что лишь одна десятая доля людей должна получить высшее развитие, а остальные девять десятых должны лишь послужить к тому материалом и средством, а сами оставаться во мраке... Я не хочу мыслить и жить иначе, как с верой, что... будут все когда-нибудь образованны, очеловечены и счастливы». И еще: «Пусть всё вокруг нас и теперь еще не очень красиво; зато сами мы до того прекрасны, до того цивилизованы, до того европейцы, что даже народу стошнило, на нас глядя... Зато как же мы теперь самоуверенны в своем цивилизаторском призвании... Да что же нас краше и безошибочнее в подсолнечной?», «Ради бога, не думайте, что я стану доказывать, что у нас варварски смешивают цивилизацию и законы нормального, истинного развития... Нет, я только одно хочу сказать: ...смешна, смешна уморительно эта вера в непогрешимость... Вера это или просто кураж над народом, или, наконец, нерассуждающее, рабское преклонение... Так ведь это еще смешнее» [4, с. 59, 61]. Приведены авторские суждения, содержащие основу его взглядов. Перед нами опять-таки не иначе, как реализм, к тому же высшей степени, который Иван Франко называл природным, научным реализмом. И здесь у Достоевского много полезного для всех.

Что же касается автологических и металогических (иносказательных) литературно-художественных приемов, то мастерству ими пользоваться с успехом учились у Достоевского, высоко отзываясь о нем, писатели самых различных литературных методов, направлений, течений и школ – реалисты, неореалисты, символисты, футуристы, импрессионисты, экспрессионисты, декаденты, модернисты, постмодернисты и т. д. Учились у него и поэты, и драматурги, и прозаики. Учились у него и авторы интеллектуальных романов и других жанров – Цвейг и Кафка в Австрии, Пруст и Камю во Франции, Оскар Уайльд в Англии, Томас и Генрих Манн в Германии, Драйзер в США; Леся Украинка и Франко в Украине; Гаршин, Андреев, Горький, Леонов, Булгаков, Набоков, Распутин в России; и многие другие. Все это в порядке вещей, присуще литературе, стоит вспомнить «Карамзинский период», «период Пушкина», «Гоголевский период» или влияние Льва Толстого на развитие русской и мировой литературы.

Список использованной литературы

1. Гайденко П.П. Прорыв к трансцендентному: Новая онтология XX века / П.П. Гайденко. – М.: Республика, 1997. – 496 с.
2. Достоевський Ф.М. // Філософський енциклопедичний словник / [наук. ред. Л.В. Оздовська, Н.П. Поліщук]. – К.: Абрис, 2002. – С. 171–173.
3. Достоевский – художник и мыслитель: сб. статей / [ред. кол.: А.Л. Гришунин и др.; ответ. ред. К.Н. Ломунов]. – М.: Художественная литература, 1972. – 687 с.
4. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. / Ф.М. Достоевский. – Л.: Наука, 1972–1990.
5. Екзистенціалізм // Літературознавчий словник-довідник / [ред.: Р.Т. Гром'як, Ю.І. Ковалів, В.І. Теремко. – 2 вид., випр., доповн.] – К.: Академія, 2006. – С. 225–226.
6. Екзистенціалізм // Філософський енциклопедичний словник // [наук. ред. Л.В. Оздовська, Н.П. Поліщук]. – К.: Абрис, 2002. – С. 186–187.
7. Кулешов В.И. История русской литературы XIX века: 70–90-е годы: учеб. для студ. филол. специальн. вузов / В.И. Кулешов. – М.: Высшая школа, 1983. – 400 с.

8. Кулешов В.И. О реализме Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского // Кулешов В.И. Этюды о русских писателях. – М.: Изд-во МГУ, 1982. – 262 с.

9. Латынина А.Н. Достоевский и экзистенциализм / А.Н. Латынина // Достоевский – художник и мыслитель: сб. статей / [ред. кол.: А.Л. Гришунин и др.; ответ. ред. К.Н. Ломунов]. – М.: Художественная литература, 1972. – 687 с. – С. 210–259.

10. Селезнев Юрий. В мире Достоевского / Ю. Селезнев. – М.: Современник, 1980. – 376 с.

11. Субъект, познание, деятельность: сборник статей. – М.: Канон+ ОИ «Реабилитация», 2002. – 720 с.

12. Толстой Л.Н. О литературе: статьи, письма, дневники / сост. и прим. Ф.А. Ивановой, В.С. Мишина и др. – М.: ГИХЛ, 1955. – 764 с.

13. Heidegger M. Holzwege. Dritte unveränderte. Auflage. – Frankfurt am Main: Klostermann, 1957. – 345 s.

Стаття презентує оцінку сучасниками та нащадками Достоевського, його світогляду і творчості. Виявлено вплив культурного спадку письменника на розвиток різних напрямів, течій у літературі, культурному просторі XIX–XXI ст.

Ключові слова: Достоевський, реалізм, модернізм, постмодернізм, потік свідомості, істина, аутологія, металогія.

The article shows the evaluation of Dostoevsky's outlook and creative work by his contemporaries and descendants. The research attempts to find out about the influence of the writer's cultural heritage on development of various literary schools in the cultural space of the XIX–XXIth centuries.

Key words: Dostoevsky, realism, modernism, postmodernism, stream of consciousness, truth, autology, metalogy.

Надійшло до редакції 8.02.2011.